

КАРИНА
ДЕМИНА

Редакционно-издательская группа
«Жанровая литература»
представляет серию «НЕОБЫКНОВЕННАЯ МАГИЯ»

Франциска Вудворт
«Мой снежный князь»
«Мой снежный князь. Строптивица для лэрда»

Настя Любимка
«История бледной моли»
«Я люблю тебя больше жизни»

Ева Никольская
«Моя темная половина»

Алиса Ардова
«Мое проклятие. Право на счастье»

Александра Лисина
Цикл «Артур Рэйш»
Кн. 1 «Когда темные боги шутят»
Кн. 2 «Охотник за душами»
Кн. 3 «Жнец»
Кн. 4 «Темный маг»

Марина Эльденберт
«Осколки времени»

Карина Демина
«По ту сторону жизни»
«Дом последней надежды»

Бронислава Вонсович
«Туманы Унарры»

Ольга Романовская
«Пикантные обстоятельства»

КАРИНА
ДЕМИНА

ДОМ ПОСЛЕДНЕЙ
НАДЕЖДЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д30

Серийное оформление – *Екатерина Петрова*

Иллюстрация на обложке – *Дарья Родионова*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Демина, Карина.

Д30 Дом последней надежды : [роман] / Карина Демина. – Москва : Издательство АСТ, 2019. – 448 с. – (Необыкновенная магия. Шедевры Рунета).

ISBN 978-5-17-113402-0

Чужой мир. Чужое тело. Чужое имя и чужое прошлое, в котором совершено немало ошибок. Тайный враг, желающий смерти. Старый дом, ставший приютом для пяти женщин, чьи судьбы теперь находятся в руках Ольги. И ей, ныне Иоко из рода Танцующего Журавля, придется сделать многое.

Выжить. Исправить чужие и собственные ошибки. Пройти дорогой, которую определили боги. И, быть может, получить право на счастье.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-113402-0

© К. Демина, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

... ГЛАВА 1 ...

Я знала, что когда-нибудь да умру. В конце концов, все люди смертны, но чтобы так рано? Неожиданно? Нелепо? Зима.

Гололед.

Скользкие сапожки. Снежок в спину, падение, каменная цветочница, оставшаяся с советских времен и бережно храняемая Варварой Степановной аки память о тех самых временах и прекрасном прошлом в целом... удар.

Короткая резкая боль.

Темнота.

Ни тебе светящегося тоннеля, ни столпа света, ни врат райских со святым Петром в придачу. Одна сплошная темнота, которая продолжалась и продолжалась. И я постепенно свыкалась с этой темнотой. В ней я перебирала мгновения короткой и, если разобраться, совершенно бестолковой своей жизни.

Детство.

И мама с двумя тетушками, свято уверенными, что просто-таки обязаны совершить во имя меня какой-нибудь подвиг, желательно педагогический. Тихий отец, не отличавшийся ни здоровьем, ни характером. Он никогда не спорил со своими женщинами, наивно полагая, что уж они-то знают, как лучше. Отец служил инженером в каком-то закрытом НИИ и, сколь себя помню, всегда был слишком занят, чтобы заниматься моим воспитанием. Впрочем, недостатка в воспитателях я не испытывала.

Ранний подъем.

Обливание.

Пробежка и зарядка.

Школа.

Музыкальная школа и спортивная секция, куда меня отвозили. Уроки. Занятия. Тренировки. Ни минуты свободного времени. Подруги... да не было у меня подруг.

Не сложилось.

И сначала я не видела в том беды, все одно я была слишком занята, чтобы тратить время на всякие глупости вроде пустых игр. Потом как-то так получилось, что дружба и вообще отношения с другими людьми оказались чем-то невыразимо сложным. Я пыталась, честно, уже в университете, в который меня определили путем внутрисемейного голосования, но...

Отношения заводились.

С трудом.

А потом рассыпались.

Я была слишком требовательна? Да, так мне сказала Ларочка, с которой я два года кряду делила комнату в общежитии.

А еще удручающе прямолинейна.

Свято уверена в собственной правоте, но, несмотря на то что права я бывала частенько, это еще не давало мне права лезть в чужую жизнь. А я вот лезла, и собственная не складывалась.

С мужчинами у меня получалось еще хуже, чем с подругами. Первая любовь, которая, само собой, на всю жизнь и никак иначе... первое разочарование, когда выяснилось, что у моей любви совсем иные намерения. Слезы в подушку. Одиночество.

Пожалуй, именно потому, что к одиночеству я привыкла, мое нахождение в темноте не доставляло мне каких бы то ни было неудобств. Теперь я видела себя словно со стороны. И анализировала.

Двадцать два и работа в маленькой фирме. Я сама нашла ее, несмотря на матушкино неодобрение и прогнозы тетюшек, уверенных, что фирма скоро разорится, а на меня повесят кучу чужих долгов и вообще подведут под монастырь. И стоило бы проявить толику благоразумия, приняв предложение матушкиного старого знакомого, который занял какую-то мелкую должность в городском департаменте и мог взять меня секретарем.

Секретарем я быть не хотела.

Как и возвращаться в родной городишко, который к этому времени окончательно погрузился в тягостную провинциальную дрему. Да и тетушки с мамой... устала я от их диктата.

Самостоятельности захотела.

Получилось, и в фирме удержаться, и весьма скоро выбиться из обыкновенных менеджеров в помощники руководителя, а потом и сменить этого самого руководителя.

Работу я любила.

Она платила мне взаимностью.

Вскоре я сменила фирму, приняв весьма выгодное предложение крупной международной компании. Честолюбие толкало вперед, и карьера строилась, несмотря ни на что.

Знаю, меня недолюбливали.

Некоторые и вовсе тихо ненавидели, искренне не понимая, что я делаю в исконно мужском мире финансов. За глаза меня называли стервой, а то и похлеще. В глаза улыбались и старались угодить. И злорадствовали, когда мой априори неудачный брак развалился.

Теперь я понимаю, что он был изначально обречен и даже странно, что я могла думать иначе.

Он — молоденький стажер, косая сажень в плечах, курчавый блонд и глаза невероятной синевы. Румянец стыдливый на щечках.

Вздохи.

И трепет, который я вызывала в его фигуре.

Пожалуй, именно теперь я осознаю, что Игоряшка напомнил мне отца, что внешностью, что манерой поведения. А разница в положении, в возрасте — это ведь ерунда?

Он подарил мне бумажную розу и, заикаясь от страха, пригласил на свидание. В цирк.

Он купил сладкую вату на палочке, а потом, взяв за руку, провел за кулисы, где оказывается, работала какая-то его родственница. И мы вместе смотрели, как отдыхают утомленные тигры. Тогда еще Игоряша, подведя меня к черной пантере, сказал:

— Она на тебя похожа. Такая же грозная с виду, а на самом деле ей очень нужна ласка.

Наверное, мне и вправду нужна была, если я упала в эту приподнившуюся любовь, как в омут. Тайные свидания.

Предложение, которое Игоряша сделал на крыше, где мы любовались закатом.

Свадьба.

Мама постаревшая вытирает слезы платочком:

— Надеюсь, Оленька, ты знаешь, что делаешь...

Мне казалось, что знаю.

Я купила нам квартиру, ведь в старенькой двушке, приобретенной когда-то, тесно двоим. А ведь нас может стать трое или даже четверо. Что с того, что мне уже тридцать семь? И в сорок рожают.

Машина для Игорька.

И его увольнение. Это разумно, ведь работник из него аховый, а домом заниматься кому-то да надо, я ведь никогда не любила домашнее хозяйство. Наша недолгая совместная жизнь... то есть брак протянул несколько лет, но теперь они казались едва ли не мгновением.

Мы были счастливы?

Я была. Некоторое время. Несмотря на шепотки за спиной, на смешки откровенные и сокрытые. Плевать мне было. Главное, что дома меня ждали горячий ужин — а готовить Игоряша научился отменно — и душевный разговор.

Он слушал. Внимал. Поддерживал. Он был достаточно образован, чтобы вникнуть в специфику моей работы, а не просто кивать, выслушивая жалобы. Иногда он и советы давал вполне вменяемые.

А потом...

Тьма, меня окружавшая, вздохнула. Тьма мне сочувствовала, понимала, каково это — быть преданной. И ладно бы другая женщина, хотя и без нее не обошлось, без дурочки-студентки черноокой и чернокудрой, возмнившей себя воительницей за личное счастье.

Я бы рассмеялась.

Я и рассмеялась.

Наивный ребенок, она прислала мне душевное признание об их с Игоряшей любви, которой в брак переродиться мешаю исключительно я... Игоряша меня давно не любит и живет исключительно потому, что жалеет слабое мое здоровье, но она... как ее звали-то? Леночка? Анечка? Или как-то иначе, с претензией? К примеру, Элеонорочка? Не важно, она знает, что со здоровьем у меня полный порядок, сердце ра-

ботает, почки тоже отваливаться не спешат, а потому не буду ли я столь любезна отойти в сторонку.

Я не была.

То есть рассказу я поверила, ибо девочка, с которой я устроила встречу, оказалась вполне убедительна, описывая свой несчастный роман. И чувствовала я себя мерзко.

Оплеванной?

Он ведь ни словом, ни намеком... Он был так же любезен и притворялся счастливым. Он встречал меня, кормил растреклятыми ужинами и выслушивал... выслушивал... я даже дрогнула, решив от девицы откупиться, в конце концов, Игоряша, как и все мужчины, падок на сладкое, так стоит ли ради одной девки рушить брак?

Но на сердце было беспокойно, как будто мой рай оказался червивым. И, наступив на горло собственной песне, я поставила задачу нашей службе безопасности. Благо возникли некоторые подозрения. И я... бог видит, я искренне надеялась, что подозрения эти пусты. Что черед неудач наших — лишь совпадение, что сорванные сделки сорвались сами по себе, как и тендеры проигранные. И не удивилась, когда вызвали меня к Самому.

— Вы нас подвели, Оленька, — сказал он, положив на стол папочку с документами.

Та брюнеточка была не единственной. Блондиночка. Рыженькая... Игоряша любил разнообразие не только в кулинарии. А еще он любил дорогие вещи. Я не обделяла его, отнюдь.

Машина.

Мотоцикл.

Одежда и обувь. Техника и прочие игрушки, столь важные для мальчиков, просто деньги, благо зарабатывала я вполне прилично. Но тех денег ему, как понимаю, было мало. Вот и повадился сливать информацию. И платили за нее неплохо.

— Прошу прощения. — Тогда-то я и ощутила себя униженной.

Растоптанной.

А еще — старой и некрасивой настолько, что даже мое состояние не способно оказалось компенсировать жизнь со мной.

— Что делать станешь?

— Разводиться.

Что я еще могла?

И надеяться, что этого хватит, что меня не выставят за дверь, несмотря на годы беспорочной службы. То-то все порадуются: железная стерва оказалась слаба на передок.

— Это ты погоди, Оленька... это ты всегда успеешь. — Сам постучал по столешнице пальцем и вид принял презадумчивый, хотя я не сомневалась, что все им уже придумано и передумано, а еще судьба моя, какова бы ни была, решена давным-давно. — Сначала давай-ка поработаем. Что у нас там близится? Сделка по «Скай»? Вот и скажи ему...

Я могла бы отказаться. Наверное. Все же игры эти шпионские не для моей натуры. Но отказ означал бы мое нежелание сотрудничать, а с ним и увольнение. Причем, зная характер Самого, из причины он не стал бы делать секрета.

Да и прав был Сам, ситуацией стоило воспользоваться.

И мы пользовались.

Три месяца игры на публику в лице единственного зрителя, который настолько привык ко мне, что не заподозрил неладного. О нет, Игоряша был мил. Любезен. И научился готовить омаров. Мне ведь нравились омары. Он обсуждал все и сразу, нашу с ним грядущую поездку в Рим, и еще в Ницце он никогда не бывал... И конечно, затруднения на моей работе — это временно. Меня любят и ценят, считают великолепным специалистом.

Он кормил меня.

Я его.

Взаимовыгодное сосуществование, в которое не вписывались брюнетки с блондинками.

А потом грянул развод.

Просто однажды я пришла, а вместо ужина меня ждал скандал.

— Как давно ты знала? — Игоряша тряхнул мелированной челкой.

— Что именно?

— Все!

А ведь он выглядел кукольным мальчиком. Я ему говорила, что пластика носа — это глупость, что мне безразлично, какой формы этот самый нос, а уж пластика ягодиц так вообще бред... на нее я денег не дала, а вот нос он исправил.

— Всего я и сейчас не знаю.

Он топнул ножкой.

— Ты меня подставила, стерва! — и добавил пару слов покрепче. — Ты понимаешь, перед какими людьми ты меня подставила?

— Перед какими? — покорно поинтересовалась я, испытывая в душе одно лишь желание: выставить этого позера из квартиры, да и из жизни заодно.

— Ты... ты...

Он носился, заламывая руки.

— Это ты виновата... ты во мне никогда не видела мужчину!

— Может, потому что ты мужчиной и не был?

Мне не стоило этого спрашивать, а ему не стоило меня бить. Хотя... эта пощечина развеяла остатки иллюзий и угрызения совести тоже пригасила.

Был развод.

Грязный и муторный. Вдруг оказалось, что эта сволочь имеет какие-то права что на квартиру мою, что на банковский счет. Что требует он компенсации материальной за нанесенные повреждения, список которых впечатлял, а заодно уж и моральной.

Квартиру я отстояла из принципа.

Да и вообще за моей спиной стоял Сам, у которого тоже имелось что сказать Игоряше, вот только разговаривать с подобными моему бывшему он предпочитал посредством пары цепных юристов.

Может, оно и правильно.

— А я ведь тебя любил, — сказал Игоряша, когда в нашем разводе после полугода тяжб была-таки поставлена точка. — Я действительно тебя любил, но оказалось, что тебе это не нужно... ты была... ты была мужиком...

— Может, потому что ты не был?

— Плевать, — он отмахнулся. — У тебя был я. А теперь ты сохнешь одна.

Надо же, прав оказался.

Я не испытывала ни удивления, ни огорчения, ни раскаяния.

Сожаление, пожалуй.

Я продала ту квартиру. Работу менять не стала, да и Сам не позволил бы.

— Нагадила, — сказал он, сплевывая пережеванный табак в малахитовую вазочку, — исправляй... прищепи хвост этим ублюдкам...

Он оказался прав.

Накопившаяся во мне злость требовала выхода, и я с удовольствием окунулась в работу. Я дневала и ночевала, вымещающая гнев на конкурентах и находя в том извращенное удовольствие.

Да и как-то так получилось, что не осталось у меня ничего, кроме работы.

Отец умер.

Потом матушка и тетки, которые ушли в один год, будто не способные расстаться друг с другом и в посмертии. Они не одобряли развода и моего образа жизни, не оставившего надежд на продолжение рода. А я... в сорок пять странно задумываться о ребенке, да и боялась я...

Выходит, не зря.

Темнота слушала.

Я знала, что все эти мысли для нее не являются тайной, быть может, она создана-то исключительно для того, чтобы мысли эти появились, чтобы я, оказавшись в месте, где действовать невозможно, остановилась и задумалась.

Я задумалась.

И чем больше думала, тем яснее осознавала: моя жизнь была...

Неудачной?

Отнюдь.

Плохой?

Тоже неверно.

Бессмысленной?

Не так, чтобы вовсе, все же специалистом я была хорошим, но... я не делала дурного, но и хорошего не совершала. Я позволила себе просто существовать и теперь явственно понимала: этого недостаточно.

Слишком многое упущено.

Ах, если бы я могла вернуться... если бы...

... ГЛАВА 2 ...

Тьма сгустилась.

И навалилась.

Обдала жаром и вонью, заставляя меня содрогнуться, а потом стала плотной, такой плотной, что я ощутила ее и еще острый смрад, озноб, влажные простыни и запах ароматных палочек. Никогда их не любила.

Тьма распалась на куски.

Посветлела.

Я... жива?

Кажется, да.

Я дышала. И чувствовала, как в груди, туго спеленутой чем-то, клекочет кашель. Горло саднило. Кости ломило... в какой-то момент трусливо захотелось вернуться в темноту.

Нет уж.

Я пошевелила пальцами.

И осознала, что они — не мои. Это как... как чужие туфли надеть. Вроде бы и размер твой, и модель подходящая, а все равно не то.

Свои руки я знала.

Я очень хорошо знала свои руки с толстоватыми пальцами и маникюром от Леночки, которая всякий раз причитала, что с прошлой недели я совсем себя запустила.

Эти если и видели уход, то весьма специфического толка.

Кожа была смугла.

Ногти — темны и коротки. Их если и подпиливали, то...

Тонкое запястье. Слишком уж тонкое и дважды обернуто толстой красной нитью. Монетка на ней. Знак «И-юцань», все, что осталось от нянюшки, на удачу и чтобы привлечь мужской взгляд. Но, верно, ведьма-шисса, знак этот заговаривавшая, была слишком слаба, а может, плата показалась ей недостаточной, и потому не помог.

Это не моя память!

Но...

Я с трудом, но села, позволив тяжелому волглому одеялу соскользнуть.

Узкое тело.

Грудь... непонятно, есть ли, повязка мешает рассмотреть. Но если и имеется, то небольшая.

Плоский живот.

Шея.

Лицо... определенно чужое. Слишком уж неправильное. Я не могла сказать, в чем именно состояла неправильность, но собственное лицо я знала распрекрасно, а это... это было другим.

Кто я?

И где я?

И это тот второй шанс, о котором я просила? Я не так его представляла.

Из горла вырвался надсадный кашель.

Ларингит?

Если не воспаление легких. Интересно, есть ли здесь, где бы это «здесь» ни было, антибиотики, или моя вторая жизнь рискует оказаться короткой и столь же бессмысленной?

— Госпожа! — Тень у изножья кровати шевельнулась, превращаясь в крохотную девочку. — Госпожа очнулась... госпожа желает пить?

Она поспешно наклонилась, чтобы наполнить небольшую чашу водой.

Поднесла ее к губам.

И голову придержала.

А ведь я и вправду пить хочу, я просто-таки умираю от жажды, вот только каждый глоток дается с боем. И не вода — настой трав, горький до оскомины.

— Пейте, госпожа... исиго сказал, вы должны больше пить... он заговорил травы... он сказал, что если вы увидите рассвет, то будете жить...

И взял небось три золотых лепестка, не меньше. Но, верно, мне было совсем уж дурно, если я решила послать за исиго.

Будет обидно, если его травы не помогут.

— ...Шину велела послать за ним... простите, госпожа, но она так за вас волновалась... все за вас волновались...

Госпожа.

Это хорошо, это значит, что каким бы мир ни был, я в нем не на самом низу. И золото... я смогла оплатить врача, следовательно, какие-никакие запасы имелись.

— С-свет... — просипела я с трудом, едва не подавившись горечью лекарства. И девочка поняла меня верно. Она споро соорудила гору из подушек, на которую я оперлась, и дважды хлопнула в ладоши.

— Госпожа, простите, но исиго сказал, что вам нужно... Шар светился тускло.

Обыкновенный такой шар, размером с небольшую дыню. Стекланный. И поставленный на кованую треногу-дракона. Внутри шара плясали пылинки, дракон изгибался под этакой тяжестью, а я... я пыталась понять, как оно светится.

Заряжали в месяц Журавля, и обошлось это удовольствие в целых пять лепестков, можно подумать, у меня под домом клад зарыт. Все норовят обидеть бедную женщину, и исиго-тоши, толстый, с лоснящимся лицом и тонкой мышшиною косицей, долго вздыхал и презрительно кривился, пересчитывая серебряную мелочь.

Потом ворковал над ящиком с шарами и клялся, что напитал кристаллы силой до краев, тогда как ныне очевидно, что жульничал... и ведь не пожалуешься...

Это еще почему?

Я поморщилась.

Жаловаться надо уметь, а подобный обман спускать — это расписываться в собственном бессилии.

— Это жевать. — В рот мне впихнули махонький липкий шарик. — Госпожа, умоляю...

Шарик был горький.

И клейкий.

И я с немалым трудом удержалась, чтобы не выплюнуть его. Вот же... небось на неочищенной смоле катали, а дамам Верхнего города розовую пудру добавляют для сладости, и еще...

Шарик растекся, обволакивая рот. О нет, а мне казалось, что нет ничего хуже топленого барсучьего жира, которым меня в детстве потчевали. Оказалось, что есть.

Я поспешно хлебнула горького отвара и дышать стало немного легче.

— Исиго придет вечером, — затараторила девочка, усаживаясь на ноги.

Она была смуглой и очень худой. Узенькое личико с плоскими скулами и раскосыми глазами какого-то слишком уж